

Время победителя

Накануне Международного дня театра умер Михаил Ульянов. Едва начав праздновать юбилей великого Ростроповича, радуясь возможности показать историю юбиляра-классика Чуковского как жизнь едва ли не опального и измученного властью поэта, телевидение по максимуму отдало дань актеру, который при жизни мог восприниматься прежде всего победителем.

Одно из самых сильных впечатлений от телевизионных опусов, сопровождавших день похорон Ульянова, — странное совпадение. По нескольким каналам, где шли репортажи с панихиды, видеокадры с Арбата, по которому в сопровождении воинского почетного караула двигался гроб, давались прощальные реплики одного и того же человека.

По всем каналам говорил изловленный камерами и микрофонами, причем в разное время, — поскольку слова были разные, а он их хорошо умеет находить — человек, который не был связан прямыми творческими контактами с Ульяновым, но которого тоже можно считать победителем. Об ушедшем, прославленном социальном герое, положительном герое, игравшем вождя-победителя Ленина и маршала-победителя Жукова, говорил актер-диссидент Юрский. Позже в этот же день в «Ночном полете» по каналу «Культура» Юрский как истинный профессионал, без слез и надрыва, будет говорить о жизни и об искусстве в том же духе негибкости (спины) и несминаемости (принципов), который и породил его с Ульяновым. Юрский скажет о театрах-кораблях, где существовали капитаны и отчетливый курс; и это было в том числе о таком театре, который Ульянов, среди редких подвижников, пытался сохранить в нашем времени мутных вод и неопределенных курсов. Юрский грустно скаламбурит об отсутствующей творческой и человеческой среде («нет среды, потому что сегодня уже четверг»), и до ужаса созвучными будут даже не мысли, а ощущения актера, сыгравшего уродливого философа Эзопа, с теми, которые в документальном фильме «Портреты эпохи» (еще позже вечером, по «России») высказывал сам Ульянов, сыгравший другого трагикомического философа — Диона.

Ульянова в кино видели все. По телевидению — многие. В театре — некоторые. Знали в лицо. Слышали о его бескорыстии и порядочности, гиперответственности и бесстрашии. За всем этим актерский диапазон как-то стал забываться, и по телевидению в скорбные дни особенно много говорили об одной из последних, мучительно-точных и безнадежно-грустных ролей в фильме «Ворошиловский стрелок».

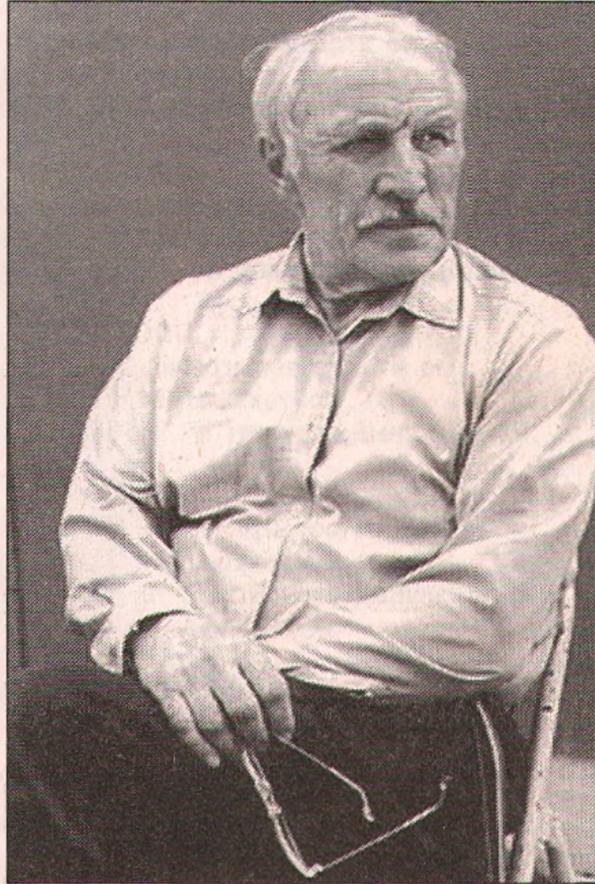
А ведь сколько всего за его без малого 60 лет в искусстве было! Подетски резвящийся, хулиганистый, обидчивый клоун Бригелла, один из четырех «масочных» персонажей в «Принцессе Турандот», нахально заявлявший в давние времена безмерной популярности итальянского героя-любownika, что он «Бригелла Мастрояни». Рядом с мрачноватыми и бесспорно-узнаваемыми директорами и председателями, что на экране, что на сцене, стали появляться масштабные и разноликие, уже не так легко узнаваемые горьковский Егор Булычов, опрокидывавший тяжелый стол на всех своих прихлебателей и мучителей, шекспировский Антоний, замиравший и перелетавший через сцену на зависть балетным корифеям, ставившим пластику в драматическом спектакле.

Всю его жизнь мало кто признавал в Ульянове трагического актера, а ведь он был на самом деле одним из последних русских трагиков. Тех, кто не слезами и криками, а парадоксальными эмоциональными перепадами, пограничьем безмерной страсти и бешеной нелепости рождал своих героев, предназначенных для побед и жизнью побежденных. Таких, как Чарнота в «Беге», как Митя Карамзов, как Булычов и Антоний. Или — как не побежденный жизнью местечковый молочник Тевье. Или — даже не пытавшийся поспорить с обычными жизненными обстоятельствами, наглый и трусливый, мрачный и тоскующий не муж и не отец из мало кому известного, но как раз совсем недавно показанного телевидением фильма «Без свидетелей».

Его лицо было узнаваемым, хотя достаточно легко поддавалось портретному гриму. Его темперамент был органичным, не требовавшим подогрева и объяснений, но на удивление лишенным патетичности. Он умел говорить с такими невероятными ударениями, что казалось, каждый слог главный, каждое слово — последнее. Думаю, именно на это его свойство делал ставку великий режиссер Эфрос, сняв с ним телеспектакль по Хемингуэю «Острова в океане» (наверное, теперь его заново покажут, посмотрите обязательно). На это свойство, а еще на способность молчать с криком в душе и кричать шепотом, рычанием, стоном, но только не простым форсированием силы звука.

Старожил нашей страны поэт Михалков, вспоминая мерзкую возню вокруг своего великого литературного коллеги Чуковского, эпически предложил относиться ко всему спокойно, как это делает он сам, и назвал себя при этом «человек-эпоха». Скромненько и со вкусом. Он явно не знает или, по возрасту, позабыл замечательный совет польского сатирика: «Если тебя подвели к пьедесталу, не карабкайся на него, подожди, пока подсадят другие». Ульянов же с возрастом все более иронично, иногда даже с раздражением относился к выражению признания, к почестям и свидетельствам своего «величия». Это видно было во многих кадрах, мелькавших на прошедшей неделе по телевидению. Услышать из его уст слова «человек-эпоха» применительно к нему самому было бы немислимо. И о победах он с годами говорил все чаще не с радостью, а с горечью.

Одной из знаменитых театральных ролей Ульянова — в любимой публикой мелодраме «Варшавская мелодия» — был мужиковатый Виктор, не слишком отесанный рядом с изысканной и ироничной

не мысли, а ощущение актера, сыравшего уродливого философа Эзопа, с теми, которые в документальном фильме «Портреты эпохи» (еще позже вечером, по «России») высказывал сам Ульянов, сыгравший другого трагикомического философа — Диона.

Ульянова в кино видели все. По телевидению — многие. В театре — некоторые. Знали в лицо. Слышали о его бескорыстии и порядочности, гиперответственности и бесстрашии. За всем этим актерский диапазон как-то стал забываться, и по телевидению в скорбные дни особенно много говорили об одной из последних, мучительно-точных и безнадежно-грустных ролей в фильме «Ворошиловский стрелок».

А ведь сколько всего за его без малого 60 лет в искусстве было! Подетски резвящийся, хулиганистый, обидчивый клоун Бригелла, один из четырех «масочных» персонажей в «Принцессе Турандот», нахально заявлявший в давние времена безмерной популярности итальянского героя-любownika, что он «Бригелла Мастрояни». Рядом с мрачноватыми и бесспорно-узнаваемыми директорами и председателями, что на экране, что на сцене, стали появляться масштабные и разноликие, уже не так легко узнаваемые горьковский Егор Булычов, опрокидывавший тяжелый стол на всех своих прихлебателей и мучителей, шекспировский Антоний, замиравший и перелетавший через сцену на зависть балетным корифеям, ставившим пластику в драматическом спектакле.

Всю его жизнь мало кто признавал в Ульянове трагического актера, а ведь он был на самом деле одним из последних русских трагиков. Тех, кто не слезами и криками, а парадоксальными эмоциональными перепадами, пограничьем безмерной страсти и бешеной нелепости рождал своих героев, предназначенных для побед и жизнью побежденных. Таких, как Чарнота в «Беге», как Митя Карамзов, как Булычов и Антоний. Или — как не побежденный жизнью местечковый молочник Тевье. Или — даже не пытавшийся поспорить с обычными жизненными обстоятельствами, наглый и трусливый, мрачный и тоскующий не муж и не отец из мало кому известного, но как раз совсем недавно показанного телевидением фильма «Без свидетелей».

Его лицо было узнаваемым, хотя достаточно легко поддавалось портретному гриму. Его темперамент был органичным, не требовавшим подогрева и объяснений, но на удивление лишенным патетичности. Он умел говорить с такими невероятными ударениями, что казалось, каждый слог главный, каждое слово — последнее. Думаю, именно на это его свойство делал ставку великий режиссер Эфрос, сняв с ним телеспектакль по Хемингуэю «Острова в океане» (наверное, теперь его заново покажут, посмотрите обязательно). На это свойство, а еще на способность молчать с криком в душе и кричать шепотом, рычанием, стоном, но только не простым форсированием силы звука.

Старожил нашей страны поэт Михалков, вспоминая мерзкую возню вокруг своего великого литературного коллеги Чуковского, эпически предложил относиться ко всему спокойно, как это делает он сам, и назвал себя при этом «человек-эпоха». Скромненько и со вкусом. Он явно не знает или, по возрасту, позабыл замечательный совет польского сатирика: «Если тебя подвели к пьедесталу, не карабкайся на него, подожди, пока подсадят другие». Ульянов же с возрастом все более иронично, иногда даже с раздражением относился к выражению признания, к почестям и свидетельствам своего «величия». Это видно было во многих кадрах, мелькавших на прошедшей неделе по телевидению. Услышать из его уст слова «человек-эпоха» применительно к нему самому было бы немислимо. И о победах он с годами говорил все чаще не с радостью, а с горечью.

Одной из знаменитых театральных ролей Ульянова — в любимой публикой мелодраме «Варшавская мелодия» — был мужиковатый Виктор, не слишком отесанный рядом с изысканной и ироничной польской красавицей. Там обыгрывалось значение его имени, «победитель», и горько было от того, что этот вроде бы сильный, вроде бы решительный мужчина не способен был победить обстоятельства, преодолеть запрет и жениться на иностранке.

Сам же Ульянов оказался в своей, со стороны казавшейся гладкой и благополучной жизни победителем такого количества обстоятельств и людей, что даже наше не слишком доброе и тактичное, а подчас и не слишком умелое телевидение не смогло сделать по отношению к нему ничего недоброго и бестактного. Не смогло показать его ни слабым, ни глупым, ни жадным, ни профессионально несостоятельным. Ну бывают же такие люди, о которых «хорошо» не потому, что умерли, не потому, что больше нечего сказать, а потому, что нужно и хочется. Люди, побеждающие обывательскую любовь к обсуждению чужих недостатков и несчастий. И не то чтобы без недостатков, и не то чтобы счастливые на все сто процентов — а побеждающие эти недостатки и эти несчастья.

При всей своей традиционной пестроты, при истерически-веселом первоапрельском завершении недели для нашего телевидения это все же было время бесспорного, хотя и ушедшего из жизни победителя. Время Михаила Ульянова.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
профессор ЯГПУ имени Ушинского.

